

А.В. Стовба,

кандидат юридических наук,
член Харьковской областной коллегии адвокатов
Харьков (Украина)

ПРАВО И СОБЫТИЕ: ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ¹

Анализируя последние философско-правовые работы можно констатировать, что попытки определения права являются в среде правоведов, в лучшем случае, проявлением дурного вкуса, а в худшем – чем-то наподобие поиска вечного двигателя. Старания добавить к сотням существующих определений права еще одно, уже не вызывают ничего, кроме иронической усмешки. Поэтому, допуская определение права в пропедевтических целях (в учебных пособиях, словарях и пр.), всякий «серьезный» ученый неминуемо отказывается от подобных попыток на доктринальном уровне, сконцентрировавшись на более «узких» проблемах прав человека, глобального правопорядка и т.п.

Вместе с тем подобный эскапизм вызывает латентный скандал в сфере фундаментального правоведения. Что же это за дисциплина, претендующая на статус научной, если она не в состоянии дать четкое определение своего предмета? Положение усугубляется тем, что на уровне отраслевых правовых наук достигнуты серьезные успехи: ученые-цивилисты, конституционалисты, представители уголовно-правовой дисциплины изобретают все более эффективные юридические конструкции, помогающие заполнить пробелы в правовом регулировании и качественно исправить соответствующие недостатки.

Представляется, что как затруднения фундаментального правоведения, так и успехи отраслевых юридических наук – это две стороны одной медали. Можно предположить, что ключ к указанному явлению, может дать одно из известнейших изречений немецкого философа М. Хайдеггера. Оно звучит

¹ Доклад на семинаре Института синергической антропологии «Феномен человека в его эволюции и динамике» (Москва, 3 октября 2012 г., ИФ РАН).

так: «Наука не мыслит. Она не мыслит, ибо её способ действия и её средства никогда не дают ей мыслить – так, как мыслят мыслители. То, что наука не может мыслить, это не её недостаток, но преимущество. Лишь одно это дает ей возможность исследовательски войти в теперешнюю предметную сферу, и поселиться в ней»².

Кажущуюся парадоксальность данного высказывания становится возможным объяснить, если вспомнить о том, что наука сталкивается всегда только с тем, что допущено в качестве доступного ей предмета её способом представления³. Иными словами, наука изначально направлена на обращение с *сущим*. Она разрабатывает все более эффективные способы управления им путем калькуляции, т.е. расчета. Рассчитав сущее, т.е. упразднив его как возможность и представив его как действительность, ученый получает возможность наиболее эффективно распоряжаться им, подчинять своей воле для удовлетворения разнообразных потребностей. В глобальной перспективе ученый пытается стать на место Бога: ведь рассчитав все случайности (в т.ч. и смерть) и умея справиться с ними, человек получает возможность жить вечно, управляя всеми процессами во Вселенной⁴.

Вместе с тем, согласно М. Хайдеггеру, все вышеназванное не имеет никакого отношения к мышлению. По утверждению немецкого философа, мыслью осуществляется отношение бытия к человеческому существу. Мысль не создает его и не разрабатывает. Она относит к бытию то, что дано ей самим бытием. «От-ношение» это заключено в том, что мысль дает бытию слово. Язык есть дом бытия. Там живет и человек. Мыслители и поэты – хранители этого жилища⁵. Тем самым мышление как давание-сбыться *бытию* посредством слова у М. Хайдеггера противопоставляется техническому, инструментальному образу мысли. В силу этого наука, как всегда-уже исчисляющее-

² Хайдеггер М. Что значит мыслить?// Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. – М.: Высшая школа, 1991. – С.137

³ Хайдеггер М. Вещь// Хайдеггер М. Время и бытие. – М.: Республика, 1993. – С. 319

⁴ Более полное обоснование данного тезиса см.: Стовба О.В. Право і «за-мовлення»: до витоку сучасного мислення права//Право України. - № 8. – 2011. – С. 71-77. В России идеи, изложенные в статье, были представлены в виде доклада на VI философско-правовых чтениях им. В.С. Нерсесянца (3-4 октября 2011 г., ИГП РАН, Москва). Русский перевод готовится в издательстве «Право Украины».

⁵ Хайдеггер М. Письмо о гуманизме//Хайдеггер М. Время и бытие. – М.: Республика, 1993. – С.192

управляюще направленная на *сущее*, для эффективного исполнения данной задачи не может и не должна мыслить в указанном выше смысле этого слова. Как только наука попробует продумать существо своих основных понятий, всякая её конструкция тотчас неминуемо распадется, поскольку все, что лежит в основании таковой, внезапно станет проблематичным. Если, например, ученый-цивилист откажется от рабочего определения сделки как «волеизъявления лица, направленного на возникновение, изменение, прекращение правоотношений» и начнет задумываться над тем, что же такое «воля», «волеизъявление» и пр., он немедленно утратит возможность эффективно оперировать данным понятием («сделки»), сколь оно уже не будет аксиоматичным, превратившись из инструмента в предмет вопрошания. Тем самым то, что наука «не мыслит», т.е. не продумывает свои фундаментальные основания, является залогом её эффективности.

Следовательно, кажется, не будет слишком смелым предположить, что причиной тупика, в котором оказалось фундаментальное правоведение, является игнорирование онтологического различия бытия и сущего⁶. В то время как отраслевые юридические науки направлены на сущее и исходят из него, определяя свой предмет, философия права, пытающаяся осмыслить право как таковое, неизбежно упирается в необходимость помыслить право исходя из бытия.

Разберем указанное утверждение на примере. Традиционно фундаментальная юридическая наука пыталась определить право как сущее, исходя из другого сущего – свободы, закона, обычая, справедливости, равенства и т.п. Квинтэссенцией подобных – онтических – попыток определения права можно назвать либертарную концепцию В.С. Нерсесянца⁷. Однако тем самым право утрачивало свое собственное содержание, превращаясь в пустое, соби-

⁶ Более подробно об онтологическом различии с позиций философии см.: Хайдеггер М. Бытие и время. – М.: Ad Marginem, 1997. – С. 6 и далее; Об онтологическом различии в праве см.напр.: Майхофер В. Право и бытие//Российский ежегодник теории права. - № 1. – 2008. – С. 205 и далее; Кауфманн А. Онтологическая структура права//Российский ежегодник теории права. - № 1. – 2008. – С.161; Стомба А.В. Право естества: в попытках переосмысления естественного права// Российский ежегодник теории права. - № 2. – 2009. – С.83 и далее

⁷ См. напр.: Нерсесянц В.С. Философия права: либертарно-юридическая концепция // Вопросы философии. – 2002. – № 3. – С. 3-16

рательное наименование для совокупности иного сущего: справедливости, закона, свободы и т.п. Получалось так, что права, собственно, нет: есть что-то иное (равенство, закон, справедливость, свобода), что собирается вместе под общим названием «права». При этом то, что следует относить к сфере именно правового (а не этического, или, например, религиозного) определялось как бы «интуитивно-автоматически». Как пишет по этому поводу известный украинский правовед П.М. Рабинович, относимость того либо иного явления к правовому как правило, не доказывается, а постулируется. То, что должно стать результатом исследования, принимается в качестве его исходного пункта – постулируется, принимается на веру⁸. Еще более категоричны другие исследователи, указывая, что ни о каком плюрализме подходов к пониманию права речь идти не может, поскольку право не мыслится как реально существующее социальное явление. Каждый отдельный ученый исследует то, что ему хочется, и называет это правом⁹. При этом подобная теоретико-методологическая ситуация – отнюдь не следствие «невнимательности» отдельных ученых, но неотъемлемая черта науки как таковой. По словам М. Хайдеггера, «существо их областей – истории, искусства, поэзии, языка, природы, человека, бога – остаются недоступными для наук. Существо названных областей – дело мышления. ... В каждой науке есть другая сторона, которой она, как наука, никогда не может достигнуть: существо и происхождение существа её области, а также существо и происхождение существа её рода знания, который она возвращает, и многое другое»¹⁰.

Преодолеть подобный правовой «номинализм» («Lex nomen est») становится возможным, если допустить, что право представляет собой не онтический (определяемый посредством сущего), но онтологический – бытийный – феномен. Иными словами, никакого «имманентно» правового сущего не существует. Как неоднократно указывалось автором настоящей статьи, такое

⁸ Рабинович П. Філософія права: деякі «вічнозелені» наукознавчі сюжети//Право України. К.: ТОВ «Видавничий дім «Ін Юре», 2011. - № 8. – С.15

⁹ Толстик В. Борьба за содержание права – важнейшее научное направление//Право України. К.: ТОВ «Видавничий дім «Ін Юре», 2010. - № 4. – С.30

¹⁰ Хайдеггер М. Что зовется мышлением?//Хайдеггер М. Что зовется мышлением? – М.: «Территория будущего». – 2006. – С.103

«правовое» сущее как закон, суд или прокурор всегда могут оказаться воплощением репрессий и произвола, в то время как «погодное явление» молния – доказательством вины/невиновности в ходе ордалия¹¹. Иными словами свой «правовой» либо «неправовой» статус всякое сущее получает, исходя из бытия.

Однако какое же бытие имеется ввиду? Ведь с одной стороны, бытие есть бытие как таковое, бытие вообще, с другой – существование человека, экзистенция. Имеет ли право лишь экзистенциальные, либо же и онтологические корни?

Данный вопрос является чрезвычайно спорным для философии права, являясь предметом оживленных дискуссий, подробный анализ содержания которых выходит за рамки настоящей статьи¹². Представляется, что направление для поиска ответа на данный вопрос может подсказать знаменитое «философско-правовое изречение» М. Хайдеггера, которое оказалось настолько фундаментальным, что послужило основой для монографических исследований немецких ученых¹³. Оно гласит: «Лишь поскольку человек, в истине бытия «эк-зистирующий», принадлежит таковому, то из самого бытия может исходить наделение теми наказаниями, которые должны стать для человека законом и правилом. «Наделять» по-гречески «немейн». «Номос» это не только закон, но, более исходно, в уделе бытия сокрытое наделение. Лишь на это оно способно, учинять человека в бытии. Лишь подобное учинение способно удерживать и обязывать. Иначе всякий закон остается лишь поделкой человеческого разума. Более существенно, нежели всякое установление правил есть то, что человек устраивается на местопребывание в истине бытия.

¹¹ См. напр.: Стовба А.В. О перемене сущности или «что есть» право в эпоху постметафизики//Правоведение. – 2008. - № 1. – С.157-164

¹² Более детальное описание существующих воззрений по этому поводу и ссылки на литературу, в которой содержится обзор подобных дискуссий см. Стовба А.В. Право естества: в попытках переосмысления естественного права// Российский ежегодник теории права. - № 2. – 2009. – С.83-84

¹³ Heinemann W. Die Relevanz der Philosophie Martin Heideggers fuer das Rechtsdenken. – Freiburg im Breisgau: Hohen Rechtswissenschaftlichen Fakultat der Albert-Ludwigs Universitaet, 1970. – 425 S.

Впервые подобное местопребывание предоставляет опыт устойчивости. Устой для всякого состояния дарит истина бытия»¹⁴.

Полный и основательный разбор данного изречения будет предпринят далее. Пока же обращает на себя внимание то, что согласно данному высказыванию, залогом присутствия права является принадлежность (также послушание – «gehören» (нем.)) человека бытию посредством его «экзистирования», т.е. самотрансцендирования в истине бытия. Тем самым право исходно укоренено во «встрече» человека и бытия, которая происходит в указанном выше модусе. При таком подходе право есть не некое сущее, но событие, происшествие, обладающее, с одной стороны, экзистенциальными, с другой – онтологическими предпосылками. Таким образом, далее необходимо разобрать, какое место право занимает в устройстве бытия человека (сиюбытности – Dasein (нем.)), а также в бытии в целом.

Локализации права в онтологическом устройстве человека – сиюбытности – посвящен ряд работ автора настоящей статьи¹⁵. Вкратце их итоги можно изложить в следующем. Исходя из фундаментальной онтологии М. Хайдеггера, в качестве исходного пункта анализа берется бытийное устройство человека – сиюбытность, которое специфицируется затем в двух базовых структурах – бытии-в-мире («In-der-Welt-sein») и бытии-с («Mitsein») ¹⁶. Также основной чертой сиюбытности является разомкнутость («Erschlossenheit»), которая призвана обозначить тот факт, что мы не открываем мир и Других в ходе познавательного отношения, но они всегда-уже доступны нам

¹⁴ Heidegger M. Ueber den Humanismus. – Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 2010. – S.52-53. Ср. русский перевод: Хайдеггер М. Письмо о гуманизме//Время и бытие. – М.: Республика, 1993. – С. 218. Ссылка на немецкий оригинал дается по причине несогласия с русским переводом В.В. Библихина. Более подробно о некоторых причинах несогласия с данным переводом см. примечания на стр.538 в: Стомба А.В. Эрих Фехнер: опыт пограничности или бытие-между правом и экзистенцией//Российский ежегодник теории права - № 3. – 2010. – С.538

¹⁵ См. напр.: Стомба А.В. Феномен права как фундаментально-онтологическая основа правосудия//Проблемы философии права. – 2008-2009. – Т. VI-VII. – С.147-153; Стомба А.В. Право естества: в попытках переосмысления естественного права// Российский ежегодник теории права. - № 2. – 2009. – С.81-95

¹⁶ Heidegger M. Sein und Zeit. – Tuebingen: Max Niemeyer Verlag, 2001. – S.52 и далее («бытие-в-мире»), S.117 и далее (бытие-с). См. русский перевод В.В. Библихина: Хайдеггер М. Бытие и время. – М.: Ad Marginem, 1997 (пагинация совпадает). Ссылка на немецкий текст дается по причине несогласия с переводом В.В. Библихина Mitsein как со-бытия (возникает путаница с переводом Ereignis как события, вследствие чего, по мнению автора, Mitsein лучше переводить как бытие-с).

просто в силу нашего бытия в этом мире¹⁷. В свою очередь немецкий правовед В. Майхофер указывает, что в бытии-с Другими и мы, и они всегда присутствуют «как» кто-то: врач и пациент, продавец и покупатель, водитель и пассажир и т.п., на основании чего он считает необходимым специфицировать Хайдеггеровское бытие-с дополнительным экзистенциалом: бытием-как («Alsein» – нем.)¹⁸. В этом бытии-как с Другими первично локализовано право.

Так, М. Хайдеггер, анализируя феномен вины, указывает, что «вина» может пониматься двояко: как «бытие-повинным» в смысле обязанности перед кем-то, и «бытие-причиной» чего-либо. Они совпадают в том, что мы называем «*провиниться*» (курсив М.Х.), т.е. через виновность в повинности *нарушить право и сделать себя подлежащим наказанию* (курсив мой – А.С.). ... Провинность происходит не посредством правонарушения как такового, но из-за того, что моя вина есть в том, что Другой в своей экзистенции поставлен под удар, сбит с пути, или даже сломлен. Эта провинность перед другими возможна и без нарушения «публичного» закона¹⁹.

Тем самым немецкий философ указывает, что правонарушение (которое не следует отождествлять с нарушением официального закона) фактически состоит в ущербе, причиненном экзистенции Другого. Конкретизируя данное положение уместно вспомнить, что согласно М. Хайдеггеру, правонарушение есть бытие-причиной для изъяна в сиюбытности Другого: это «бытие-причиной» есть неподчинение *приказу, обращенному к экзистирующему бытию-с Другими* (курсив мой – А.С.). Оставим в стороне, продолжает далее Хайдеггер, как берут исток такие приказы и каким образом на основе этого истока должен быть постигнут их характер приказа и закона²⁰.

Анализируя указанные положения, автор настоящей работы приходит к выводу, что право на экзистенциальном уровне исходно выявляется как

¹⁷ Хайдеггер М. Бытие и время. – М.: Ad Marguinem, 1997. – С.12 и далее. Анализ феномена разомкнутости применительно к праву см. Стомба А.В. Право естества: в попытках переосмысления естественного права// Российский ежегодник теории права. - № 2. – 2009. – С.85 и далее

¹⁸ Майхофер В. Право и бытие//Российский ежегодник теории права. - № 1. – 2008. – С.186 и далее

¹⁹ Heidegger M. Sein und Zeit. – Tuebingen: Max Niemeyer Verlag, 2001. – S.282

²⁰ Там же

«приказ», обращенный к экзистирующему бытию-с Другими, специфицированному в соответствующих модусах бытия-как. Под «*приказом*» понимается происшествие встречно-ситуативного *казания-себя* в бытии-с Другими «*при*» встрече, которое задает модус «эк-зистирования»²¹. Так, например, если человек *кажет-себя* «как» продавец, он тем самым «автоматически» задает мне *при* встрече модус бытия-как покупателя, т.е. «дает мне сбыться-как таковому». В свою очередь, «соблюдая его права» (например, не воруя товар) я равноисходно даю ему «быть-как» продавец, т.е. аутентично манифестировать свою сущность. При таком подходе классическое «естественное право» Дж. Локка, Г. Гроция либо И. Канта превращается в «право естества» как возможность «со-существо-вания», т.е. взаимной манифестации своей сущности в бытии-с Другими, специфицированном в модусе бытия-как. В данном случае на место классического права «как Должного» ставятся те *естественные границы*, которые устанавливает для каждого из нас «соответствующее» нашему «существо-ванию» бытие-как Другого (Других).

В свою очередь, правонарушение ставит под вопрос эту взаиморазомкнутость в «бытии-как», делая её невозможной либо ущербной. Соответственно «подлинным» объектом правонарушения является как раз эта взаиморазомкнутость, возможная на основе подчинения приказу как «при-казу», т.е. аутентичному, правдивому «казанию-себя-при» определенном модусе бытия-как, которым и задается модус всякого фактического встречного взаимного экзистирования (который в упомянутых работах обозначен мною как «чин»). Исходя из этого, экзистенциальное «право естества» предстает как *про-исшествие «при-каза» естества экзистирующей сиюбытности как разомкнутого бытия-как с другими, задающее всякому его чин как способ экзистирования*²².

²¹ Стомба А.В. Право естества: в попытках переосмысления естественного права// Российский ежегодник теории права. - № 2. – 2009. – С.90 и далее

²² Там же, С.93. В настоящей статье ранее звучавшее в определении «права естества» слово «событие» заменено на «происшествие» в связи с тем, что термин «событие» в настоящее время используется автором в ходе осмысления более исходного – онтологического – уровня права в отличие от экзистенциального, о котором шла речь в статье, посвященной «праву естества».

Вместе с тем, как несложно заметить, сделано лишь полдела. Сам М. Хайдеггер, как следует из приведенных выше цитат, оставляет без ответа вопрос об истоке приказа и том, каким образом на основе этого истока должен быть постигнут его характер приказа и закона. Исходя из упоминавшихся ранее фрагментов сочинений немецкого философа напрашивается предположение о том, что *искомым истоком «права естества» как «приказа» является бытие*. Тем самым мы вынуждены перейти от экзистенциальных оснований права к онтологическим, спросив о соотношении права с бытием в целом.

Путеводной нитью для подобного вопрошания является приведенное выше «философско-правовое изречение» М. Хайдеггера. Представляется, что дать направление для поиска ответа на вопрос об онтологических основаниях права способен тщательный анализ указанного изречения.

В первом, чрезвычайно емком предложении, немецкий философ указывает на три необходимых условия возможности того, что человеку «из самого бытия может исходить наделение теми наказаниями, которые должны стать для него законом и правилом». Это 1) экзистирование, которое осуществляется 2) в истине бытия, и 3) принадлежность человека бытию.

Человек принадлежит бытию, «экзистируя» в истине бытия. Следовательно, способ, каким осуществляется принадлежность к бытию, есть экзистирование в его истине. «Экзистировать» значит существовать. Однако М. Хайдеггер, посредством дефиса акцентирует внимание на том обстоятельстве, что «экзистирование» в данном случае следует понимать не как некое «наличное», «чистое» существование, но как самотрансцендирование, выход за свои собственные пределы, как «эк-стаз»²³. Как было установлено при анализе экзистенциальных оснований права в сиубытности как бытии-с и бытии-как, право вершится в совместном бытии людей. Тем самым лишь выход за свои собственные пределы, причем не одинокого субъекта, но в бытии-с Другими, дает человеку принадлежать бытию, будучи наделенным соответствующим наказом. Однако человек экзистирует не просто в бытии-с

²³ Хайдеггер М. Письмо о гуманизме//Время и бытие. – М.: Республика, 1993. – С. 199-200

Другими, но в истине бытия. Как указывает немецкий философ права В. Хайнеманн в своей монографии, специально посвященной истолкованию «философско-правового изречения» М. Хайдеггера, подразумевается, что бытие идентично с его присутствием либо его лишением, а также с его истиной. «Истина бытия» и «бытие» говорят одно и то же...²⁴.

Но что это за таинственная истина бытия? Как известно, т.н. «поздний» М. Хайдеггер под истиной понимает греческое «алетейя», т.е. «несокрываемость», «сияние истины бытия», которая постигается в ходе философского мышления и противопоставляется логико-дискурсивной «веритас»²⁵. Для немецкого философа истина есть не «соответствие вещи интеллекту» а существование как «существование», т.е. манифестация своей сущности. Само бытие значит для него «присутствие» (нем. – «Anwesen») как «событие пребывания-при сути»²⁶. В своей поздней работе «Время и бытие» М. Хайдеггер указывает, что время и бытие сбываются в событии (нем. – Ereignis)²⁷.

Событие как способ, каким сбывается бытие, является ключевым термином философии «позднего» Хайдеггера. До 18-го века Ereignis произносилось Eraeugnis (т.е. «место перед глазами», «быть раскрытым») и ассоциировалось с Eigen (чь-нибудь) и Ereignis (случай, происшествие). Хайдеггер объединяет все эти значения²⁸. Немецкий исследователь творчества Хайдеггера Г. Зеубольд указывает, что «Ereignis» означает для Хайдеггера в исходном смысле er-aeugen (у-видеть) er-blicken (у-смотреть), призвать во взгляде, при-своить, понять. Для непосвященных это значит немного. Но не в Хайдеггеровском языке выразить это невозможно. Событие не имеет ни функций,

²⁴ Heinemann W. Die Relevanz der Philosophie Martin Heideggers fuer das Rechtsdenken. – Freiburg im Breisgau: Hohen Rechtswissenschaftlichen Fakultat der Albert-Ludwigs Universitaet, 1970. – S.281

²⁵ Хайдеггер М. Парменид. – Спб.: Владимир Даль, 2009. – С.34 и далее, С.112 и далее. Более детальный анализ данного различия применительно к правовым проблемам см.: Стомба А.В. Истина как онтологический фундамент научности юриспруденции//Стандарты научности и homo juridicus в свете философии права. – М.: Норма, 2011. – С.103 и далее

²⁶ Гронден Ж. Поворот в мышлении Мартина Хайдеггера. – Спб.: «Русский миръ», 2011 – С.199

²⁷ Хайдеггер М. Время и бытие//Хайдеггер М. Время и бытие. – М.: Республика, 1993. – С.404

²⁸ Heidegger M. Zollikon seminars. Protocols – Conversations – Letters. – Evanston: Northwestern University Press, 2001. – P.178

ни характеристик, ни субстанции. Событие сбывается. Событие сбывает бытие и время, и это «ответственно» за наше обращение со всем сущим²⁹.

Также согласно М. Хайдеггеру событие не может сбыться без человека. Событие «нуждается» в человеке. «Событие сбывает людей в нужде для себя самого». Без человека событие не может «быть» т.е. сбываться. Без человека не было бы никакой истории и никакого понимания бытия. Человек и событие по М. Хайдеггеру настолько тесно взаимосвязаны, что крайне ошибочно было бы рассматривать их по отдельности. Так странно в событии, что оно посредством отношения к Другим впервые кажется, становится целым, где оно по сути «сущест-вует» (west – нем.) не из чего-то иного³⁰.

Итак, для М. Хайдеггера истина бытия есть «алетейя», т.е. событие истины, сбывающееся посредством человека, которое дает быть всему (а значит и осуществляющему его человеку) в его Самости, т.е. самим собой. Тем самым человек принадлежит бытию тогда, когда он в своем бытии-как с Другими, выходит за свои пределы, т.е. «эк-зистировать», подлинно манифестируя свою сущность и равноисходно давая сбыться встречным в бытии-с Другим в их собственной сути, т.е. соответствующем бытии-как. При этом необходимым условием надления человека наказом бытия является истина бытия, т.е. событие, в котором и происходит «эк-зистирование». Другими словами, для того, чтобы быть надленным наказом бытия, человек должен быть вовлечен в некое событие.

Ограничимся пока указанием на событие как таковое. Пока еще рано разбирать его. Проанализировав три фундаментальные предпосылки надления человека наказом бытия, который должен стать ему законом и правилом, мы должны задаться сейчас вопросом о «наказе», надление которым является результатом вовлеченности в событие.

Примечательно, что в приведенных выше пассажах из «Бытия и времени» «приказ» также обращен к экзистированию бытию-с Другими. Думает-

²⁹ Seubold G.. Ereignis. Was immer schon geschehen ist, bevor wir etwas tun//Thomae D. Heidegger. Handbuch. Leben-Werk-Wirkung. – Stuttgart-Weimar: Verlag J.B. Metzler, 2003. – S.302

³⁰ Там же, S.304

ся, не будет слишком смелым отождествить «приказ» «Бытия и времени» и «наказ» «Письма о гуманизме»³¹. Конкретный «приказ» как взаимно-встречное казание в бытии-как друг с другом является заданным наказом бытия как события, дарующем каждому его «место» и имманентно связанную с ним совокупность прав и обязанностей. Более полно об этом будет сказано далее, при разборе иных частей «философско-правового изречения» М. Хайдеггера. Здесь необходимо ограничиться указанием на то, что и приказ, и наказ есть казание-на определенный способ бытия человека (людей) как пребывания-при, каковой вершится посредством «эк-зистирующего» бытия-с Другими. Однако, «при» чем пребывает человек (люди) в ходе «эк-зистирования»? Как несложно заметить, именно пребывание в истине бытия является для немецкого философа основой для возможности наделения человека правом как наказом бытия и дальнейшего свершения права как приказа. Следовательно, в ходе «эк-зистирующего бытия-с Другими» человек пребывает «при» истине бытия. Ранее мы пришли к промежуточному выводу, что истина бытия сбывается как событие.

Предварительно можно отметить, что правовая специфика события, в которое вовлечен человек, заключена в том, что в него не может быть втянут одиночный индивид. В правовое событие всегда вовлечены Другие. Анализируя повседневное бытие Самости и *Das Man* М. Хайдеггер, как бы вскользь, замечает, что в озабоченности окружающим миром Другие встречаются как то, что они есть; они *есть* то, чем они заняты»³². В нашем бытии-как друг-с-другом мы не «свободно парящи», но всегда-уже чем-то *заняты*. Под «занятостью» следует понимать не просто «фактическое делание чего-то», но «связанность» возможностей нашего бытия-как друг с другом определенным *образом*: образом бытия-как. При этом «связанность» надо понимать двояко: с одной стороны это некое ограничение, налагаемое на ко-

³¹ «При-каз» имеет место «внутри» *Dasein* как *Mitsein* – казание как вести себя, будучи уже-при деле. «Наказ» исходит к *Dasein* «извне» – со стороны *Sein*, как казание-на дело, в которое *Dasein* уже вовлечено как со-экзистирующее бытие-с.

³² Heidegger M. *Sein und Zeit*. – Tuebingen: Max Niemeyer Verlag, 2001. – S.126

экзистирующую сиюбытность, с другой – связь, «со-отношение» с другим. При этом всякое фактическое «ограничение» и «связь» имеют место *определенным образом*. Под «образом» имеется ввиду не просто некая «личина» или «маска» как модус казания-себя в бытии-как. «Образ» вместе с тем это еще и способ ко-экзистирования, обусловленный модусом казания-себя в бытии-как, который ранее уже был охарактеризован как «чин»³³. «Занятость», понимаемая как «связанность определенным образом», носит не «индивидуальный» характер, но в модусах своего исполнения прямо либо опосредованно отсылает нас к Другим в их модусах бытия-как. Так, как «занятый пропитанием», я «отослан» к бытию-как продавца в магазине продуктов, либо бытия-как официанта в кафе, «как занятый поломкой» – к бытию-как мастера, в занятости «проведением сегодняшнего вечера» – к бытию-как артистов в театре либо футболистов. С другой стороны, в поисках средств к этому я «заянят» с коллегами по работе, с заказчиками, работодателем и т.д. С третьей – в процессе занятости я соприкасаюсь с «другими» покупателями, клиентами, театрами, болельщиками и проч. Всякий фактический *образ* бытия-с другими обусловлен неким «делом», т.е. «чем» занятости, в то время как *связанность* является индикатором «вовлеченности» в это дело. В Майхофер описывает это следующим образом: «кондуктор трамвая, которому я протягиваю свой билет, встречный велосипедист, которому я даю дорогу, торговец продуктами, у которого я покупаюсь, остаются ближайшим образом «персонально» не разомкнутыми мне в подобном обхождении друг с другом. Это «сторона», которая разомкнута мне во Встречном, «лик», который она мне показывает, т. е. кондуктор, с которым я имею дело как пассажир, участник уличного движения, который, поскольку я участвую в уличном движении, «как таковой» *касается* меня *определенным образом*, как и продавец, с которым я *имею дело* в качестве покупателя (курсив мой – А.С.). Моя собственная зависимость от практического поведения Других вводит меня в «соприкоснове-

³³ Стомба А.В. Право естества: в попытках переосмысления естественного права// Российский ежегодник теории права. - № 2. – 2009. – С.92

ние» с ними, позволяет иметь интерес в них и посредством этого, на почве общей встречи (если даже длящейся лишь мгновение и целиком определенным способом), вступить в коммуникацию с ними. Но при этом Другой мне в повседневном друг-с-другом «освобожден» лишь в отношении этой зависимости, как и я ему «разомкнут» лишь как то, что я в конкретной ситуации, здесь и сейчас для него «означаю»³⁴.

Итак, как вовлеченные в некое «предприятие» или «дело»: в езду на трамвае, дорожное движение, покупку еды мы всегда уже *определенным образом «связаны»* с другими. Как «образ» так и «связанность» следует понимать в указанном выше – «ограничительно-коммуникативном» смысле. При этом всякое фактическое «ограничение» или «коммуникация» возможны на основе встречной разомкнутости сиубытности как бытия-с и бытия-как в *общей вовлеченности* в некое дело, «со-в-местной занятости им». Представляется, что именно этот – «ограничительный» момент правовой коммуникации и её производный статус (из «вовлеченности в дело») до сих пор недооцениваются представителями коммуникативной философии права (Ю. Хабермас, А.В. Поляков и др.).

Тем самым содержание «приказа» как казание-себя сиубытности в бытии-как предварительно выявляется как обусловленное совместной вовлеченностью в дело, которая выказывает себя как *«связанность друг с другом определенным образом»*.

Дело кажет себя как *собирающее* нас, *определенным образом связанных*, т.е. занятых им. Дело, о котором идет речь, таково, что отдельный индивид с ним «не справляется»: оно побуждает собраться. Следовательно, существо дела заключено в *собрании*. Как указывает М. Хайдеггер, древним немецким словом для собрания является thing, «тинг», что на русский можно перевести как «вече». Данное слово обозначает собрание для обсуждения обстоятельства, о котором зашла речь, спорного случая. Это слово становится

³⁴ Майхофер В. Право и бытие//Российский ежегодник теории права. - № 1. – 2008. – С.253

названием для определенного положения дел: оно именуется то, что тем или иным образом касается, *задевает* человека, о чем собственно идет речь. То, о чем идет речь, римляне называли *res*; *res publica* означает не «государство», а то, что заведомо *касается каждого* в народе и поэтому становится *делом* общественного обсуждения³⁵. Таким образом, можно предположить, что подобно тому как бытие-как является горизонтом всех возможных модусов бытия-с, государство изначально есть не организация, обладающая верховной властью, а горизонт всех возможных *дел*, которые могут озаботить сиюбытность как бытие-с. Как раз именно в этом «горизонтном» характере, а вовсе не в принуждении коренится всякая способность государственной власти устраивать общественную жизнь. В связи с этим уместным кажется провести аналогию с государством Платона, где каждый занимается *своим делом*.

Таким образом, можно предположить, что характер и содержание приказа и закона постигается на основе существа дела, а именно *собрания*, которое *определенным образом* собирает нас, как *вовлеченных* в дело. При этом первично постигается не некое абстрактное «долженствование» либо «категорический императив», но именно это собрание как «необходимость собраться». Необходимость означает здесь именно «не-обходимость»: в озабоченности *делом* Других не обойти, оно самым своим существом указывает на них. Таким образом, характер приказа и закона должен быть постигнут в *совместном притяжении* нас к какому-либо делу. Здесь, в силу вовлеченности, имеет место «свое-образная» «*тяга*» делом нас как существующих *при* нем. Дело «тянет» нас именно к «своему образу» как наиболее адекватному способу присутствия в данной ситуации: например, болезнь тянет нас к образам пациента и врача, аптекаря и больного. Для тех, кому не находится «своего» образа, дело не открыто, они остаются посторонними «при» нем. Соответственно, конститутивным моментом «вовлеченности» в «дело» является «*задетость*» в возможностях бытия-с Другими. Тем кто не задет, «нечего делать» в деле.

³⁵ Хайдеггер М. Вещь//Хайдеггер М. Время и бытие. – М.: Республика, 1993. – С.321

Тем самым специфика правового события предварительно выявляется в «собрании» нас, как определенным образом вовлеченных (в силу некоей заданности) в общее «дело», в каковой вовлеченности мы выказываем себя «как» в бытии-с Другими. Оставим пока без ответа (но не без внимания!) вопрос о более точном определении специфики правового события. Ведь неразобраным остается ключевое слово первого предложения «философско-правового изречения» М. Хайдеггера – «наделение». Именно его конкретизации и раскрытию посвящены последующие предложения изречения.

Итак, как указывает немецкий философ, «наделять» по-гречески «немайн». «Номос» это не только закон, но, более исходно, в уделе бытия сокрытое наделение. Лишь на это оно способно, учинять человека в бытии. Лишь подобное учинение способно удерживать и обязывать. Иначе всякий закон остается лишь поделкой человеческого разума». В данном фрагменте обращают на себя внимание устойчивые пространственные коннотации. «Удел» означает область. Пространственное значение звучит и в «наделять». Еще более явно оно проступает в «номос». В своей работе «Номос земли» известный немецкий правовед К. Шмитт указывая на изначальность связи номоса с землей, уточняет, что номос – это мера, в соответствии с определенным порядком делящая поверхность Земли и её локализирующая, а также заданная этой мерой форма политического, социального и религиозного порядка. Мера, порядок и форма образуют здесь пространственно конкретную целостность³⁶. К данной точке зрения близка и позиция другого известного немецкого философа права, Э. Вольфа, который указывает, что «немайн», от которого произведен «номос», означает «распределять», «через деление устанавливать, придавать». Его наиболее исходный смысл есть: выгибать нечто согласно чему-то другому. Номос гнет изогнутое, ошибочное, неравное согласно праву³⁷. Старейшее его значение родственно немецкому «nehmen» («брать»), отсюда происходят слова «выбирать», «выделять», «наделять» па-

³⁶ Шмитт. К. Номос земли в праве народов *jus publicum europaeum*. – СПб.: Владимир Даль, 2008. – С.52

³⁷ Wolf Erik. *Greichisches Rechtsdenken*. – Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1947. – S.56-57

стбищем (nomos), а позже – «выделенный» либо «уделенный» надел, удел – область.

Все сказанное дает основание предположить, что речь здесь идет о том, что человек может быть наделен наказом бытия лишь постольку, поскольку в ходе такого наделения он обретает «место» в «уделе», т.е. некоей области бытия. Такой областью является событие, в которое вовлечена экзистенцирующая сиюбытность в своем «как» бытии-с Другими. В подобной вовлеченности человек «учинен» в бытии как событию, как бы «встроен» в него. Согласно М. Хайдеггеру, лишь подобное учинение способно удерживать и обязывать. Иными словами, классическое право как Должное в данном случае замещается теми границами, которые «о-пределяют место» человека в событии, отграничивая его от других «мест». Исключительно подобное учинение, т.е. наделение («немейн») местом в бытии как событию является тем онтологическим фундаментом, который может обосновывать любое онтическое «Должное», т.е. «удерживать и обязывать». Всякий закон, отбрасывающий подобное онтологическое основание, оказывается лишь искусственной, выморочной «поделкой человеческого разума».

Указанная трактовка подтверждается и теми предложениями, которыми завершается «философско-правовое изречение» М. Хайдеггера. Так, согласно ему «более существенно, нежели всякое установление правил, есть то, что человек устраивается на местопребывание в истине бытия. Впервые подобное местопребывание предоставляет опыт устойчивости. Устой для всякого состояния дарит истина бытия». Как видно, по мнению немецкого философа, всякое установление норм и правил имеет смысл лишь в том случае, если «имеет место» упомянутое выше наделение человека «местом» в истине бытия, т.е. в событии. Именно способность-устоять (haltbar – нем.) в событии есть то, что дарит человеку изначальный опыт права – «опыт устойчивости». Само устойчивое, «твердое» следование правилам, принципам и нормам возможно лишь в силу того, что уже-сбылось, уже-произошло событие, которое образует тот веер конкретных мест, которые может занять в нем человек. Тем

самым всякий «устой» как правило для «со-стояния», т.е. «со-в-местного стояния» людей в событии произведен от сути самого этого события – истины того, что сбылось, или, более точно, самого *сбывшегося*, т.е. истины бытия.

Отсюда следует, что оба вопроса, которые до сих пор были оставлены без ответа – о «правовом смысле» события, т.е. его специфике, которой и обусловлен «правовой» (а не иной) статус вовлеченного в это событие существа (в т.ч. и человека), а также о сущности «места», пребывание в котором наделает человека наказом бытия – правом, складываются воедино. Иными словами, вопрос о сути происходящего, т.е. смысле события неразрывно связан с обретением места в нем человека.

Ранее чертами правового события были названы собрание в бытии-с Другими на основе некоей общей задетости. Соответственно немедленно возникает вопрос: разве, например, общая задетость не собирает тысячи людей на концерте рок-звезды или футбольном матче? Но очевидно, что к рок-концерту или футбольному матчу право имеет весьма отдаленное отношение.

Вместе с тем, это лишь одна сторона медали. Все перечисленные события в мгновение ока могут стать правовыми. Беспорядки на футбольном матче и усмирение полицией фанатов, договорной характер игры или мошенничество на тотализаторе, отмена концерта и проблема возврата стоимости билетов внезапно придают упомянутым событиям отчетливый «правовой привкус». Потенциально, любое событие – от рождения ребенка до дождя или снега – может стать правовым.

Таким образом, предварительно следует отметить, что в сердцевине всякого события заложен некий «поворот», который *заставляет* вовлеченных в это событие, осмыслять его в правовом ключе. «Заставляет» здесь следует, как я уже писал ранее в иной работе, понимать как «за-ставляет»³⁸. «Правовой поворот» «за-ставляет» все возможные перспективы события его право-

³⁸ Стомба А.В. О перемене сущности или «что есть» право в эпоху постметафизики//Правоведение. – 2008. - № 1. – С.162

вой стороной, которая «выпячивается», стоит на первом плане. И «дело» здесь отнюдь не исчерпывается необходимостью обращения к юридическим институциям. Скорее к праву «за-ставляет» «обратиться» (снова ассоциации с поворотом!) необходимость *осмысления* события. Как писал В. Майхофер, «в самом деле, может ли быть, что мы когда-нибудь выпадем из успокаивающей надежности этого привычного повседневного обращения с действительностью права, в зал суда, в тюрьму, в кабинет нотариуса, и нами овладеет вопрос: *что это все означает* (курсив мой – А.С.)? Будем ли мы внезапно, в «мгновение ока» вырваны из защищенности, которая никогда не ставилась «под вопрос», из всегда уже предварительно данного (доонтологически) понимания смысла, ощутив утрату под ногами почвы всякого «правового мира», в котором, кажется, мы занимаем столь твердые позиции? В это мгновение становится необходимым наш ответ на донныне «не-необходимый» и «не-слыханный» вопрос, мы не в состоянии просто отодвинуть в сторону «вопросительное» Пребывшее (*Gewordene*) в надежде, что наша проблема «успокоится» и без того, чтобы мы позаботились найти на нее ответ³⁹.

«Что все это значит»? Ответ на этот вопрос вынужден искать всякий, кому «отказано» или «заказано» привычно и ожидаемо «казать-себя» в бытии-с Другими «как»: «тот» либо «этот». Иными словами, любое событие наряду с отмеченными выше коннотациями «выявления», «открывания», «выведения на свет» *равноисходно несет в себе возможность «замкнутости»*. Данная замкнутость может пониматься как онтологически – «недоступность смысла происходящего», так и экзистенциально – «замкнутость в бытии-с Другими». В силу этого модус вовлеченности в правовое событие представляет собой своего рода «кружение» – от исходной разомкнутости бытия-с Другими и бытия в целом к замкнутости, затем, посредством права, опять к разомкнутости и так до тех пор, пока событие не «исчерпает себя». Все, вовлеченное в этот «вихрь» сущее – от пистолета до домашних тапочек – становится правовым. Лишь экзистирова в бытии-с Другими в подобном событии, т.е. обретая

³⁹ Майхофер В. Право и бытие//Российский ежегодник теории права. - № 1. – 2008. – С.202

в нем со-ответствующее сути события и со-присутствующим Другим *место*, человек наделяется *наказом* бытия, каковой есть онтологический фундамент всякого закона и правила. Можно предположить, что именно в подобном «повороте», т.е. «оборачивании», кружении от «разомкнутости к замкнутости», «задетости» подобной «замкнутостью» и вызванным этим «побуждением собраться вместе» как раз и состоит искомая суть правового события.

Тем самым экзистенциальному «праву естества» как *про-ис-шествию* «при-каза» естества *экзистирующей* сиюбытности как *разомкнутого бытия-как с Другими, задающему* всякому его чин как способ экзистирования соответствует онтологическое «право бытия» как *событие, собирающе-задевающее* обращающее человека как *эк-зистирующую* сиюбытность к фактической *замкнутости/разомкнутости бытия-с Другими* и наделяющее его *наказом бытия* как *казанием-на «его» место, со-ответствующее со-присутствующим Другим и сути события в целом*. Лишь наделенность таким местом, т.е. «уместность» в событии дает человеку быть-собой, т.е. быть-как подлинно соответствующему сути события и со-суще-ствующим в нем Другим. Исключительно подобная учиненность в событии как истине бытия способна удерживать и обязывать человека, наделяя его способностью следовать предписаниям права не из страха перед законом либо аморфных «требований разума», но из самой его сути как существа, существующего в истине бытия. В праве бытия как событии коренится возможность любого официального, позитивного закона. Как писал М. Хайдеггер, если под законом мы будем понимать собрание того, что дает всему присутствовать в своей собственной сути, принадлежа надлежащему, то событие есть прямейший и мягчайший из всех законов, еще мягче того, в котором Адальберт Штифтер увидел «мягкий закон». Событие, конечно, не закон в смысле некой нормы, парящей где-то над нами, оно вовсе не распорядок, упорядочивающий и направляющий некий процесс. Событие – закон законов, поскольку оно собирает смертных вокруг осуществления их существа и держит в нем⁴⁰.

⁴⁰ Хайдеггер М. Путь к языку// Хайдеггер М. Время и бытие. – М.: Республика, 1993. – С. 269

Но что значит «исчерпанность события»? В чем основана способность права раскрывать (соответственно скрывать) смысл происходящего? В чем заключается связь права и бытия? В чем состоит искомый смысл правового события? Каково соотношение между экзистенциальным «правом естества» как приказом и онтологическим «правом бытия» как событием? Представляется, не данные определения и ответы, но необходимость искать ответы на эти и дальнейшие вопросы как раз и составляют подлинный итог настоящей статьи.
